

Kaisa Häkkinen, Suomen kielen vanhimmasta sanastosta ja sen tutkimisesta. Suomalais-ugrialaisten kielten etymologisen tutkimuksen perusteita ja metodiikkaa, Turku 1983 (Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 17). 447 с.

Еще не так давно многие уважающие себя финно-угроведы посматривали свысока на занятия этимологией. Этимологические исследования популярности не имели. В то время, когда все науки, в том числе и отдельные отрасли лингвистики, устремились к конкретности и точности, этимология оставалась большей частью субъективной, зависимой от кругозора и таланта исследователя. Структурализм же в пестром окружении своих направлений и методов «пришел, увидел, победил» — по крайней мере в глазах молодого поколения. В действительности уже тогда отмечалось оживление и в этимологической науке. Наверно, благодаря укоренению структуралистского подхода и в лексике была обнаружена системность, лексикологи стали рассматривать судьбу слов, учитывая многообразие связей и отношений. К обновлению теории и методов первыми обратились романисты, сформулировав общие принципы и т. н. узловые кулачные правила этимологизации. В финно-угроведении этимология нашла постоянное практическое применение, теории же до сих пор уделялось мало внимания. Опубликованы отдельные этимологии и целые словари, проблемные статьи о заимствованиях, работы о лексических взаимосвязях родственных языков. Теперь же все это стало объектом теоретического обобщения и анализа благодаря Кайзе Хяккинен.

Пять лет назад К. Хяккинен представила лицензиатскую работу, посвященную своеобразию и фону звуковой структуры финского языка (*Eräistä suomen kielen äännerakenteen luonteenomaisista piirteistä ja niiden taustasta*, Turku 1978). Она послужила, очевидно, благодатной почвой для перехода к проблемам происхождения лексики. В сравнительно короткое время завершено новое содержательное исследование, за которое К. Хяккинен присвоена докторская степень.

Намерения автора в рецензируемой книге значительно обширнее, чем выражено в ее заглавии. Основная цель — выявить состав и отдельные слои древней-

шей лексики финского языка. Рассматриваются та часть словарного запаса, которая имеет соответствия в более дальних родственных языках, а также в некоторых аспектах и общая лексика прибалтийско-финских языков. Уже сам подбор материала заставляет затронуть целый ряд центральных проблем финно-угроведения. Вопросов, пожалуй, больше, чем ответов, но это не следует считать недостатком работы. Скорее наоборот: читатель получает представление о сиюминутном состоянии и узких местах этимологического исследования не только финского языка, но и уральских языков вообще. А кроме того — и о перспективах. Присоединяясь к индоевропейским теоретикам, автор утверждает, что обновление этимологической науки необходимо и в уралоистике. Из-за различий в материале здесь невозможно использовать модели индоевропейских языков, нужны нам также и своя теория, и своя методика. Вторая основная цель работы К. Хяккинен и заключается в том, чтобы указать на новые возможности и способы интенсификации и развития этимологического исследования.

Монография состоит из трех частей: теоретическое введение, анализ главных этимологических критериев и словарь.

Вводная глава дает беглый обзор проблем развития исторической лексикологии и знакомит с лексикологическими терминами. Речь в ней идет о возникновении языка и формировании словарного запаса, о сути языкового знака, его произвольности и мотивированности, излагаются основные этапы истории этимологии и попытки последних десятилетий обновить теорию и методы этимологического исследования. Эскурсы в другие отрасли лингвистики, например, в проблемы общего языкознания, психолингвистики, универсальной типологии и т. п., подчеркивают сложность связей этимологической науки с другими отраслями лингвистики. Многочисленные ссылки отправляют к новейшей литературе, прямо или косвенно затрагивающей этимологию.

Остановившаяся на методических воп-

росах, автор подчеркивает принципиальное отличие исторической уралистики от индоевропейского языкознания. Последнее различает исторический и сравнительный методы исследования, каждый из которых имеет свои задачи. Благодаря уходящим в глубокую древность языковым памятникам можно вполне детально и достоверно установить историю отдельных слов. В уралистике языковые памятники не могут прийти на помощь, и К. Хяккинен призывает не забывать, что даже т. н. изученные факты гипотетичны. Граница между этимологической и исторической лексикологиями размыта. Доминирует сравнительный метод, однако материал для сопоставления подчас изобилует пробелами. Закономерные звукосоответствия выводятся из более ранних «достоверных» этимологий, на основе этих звукосоответствий делаются попытки выявить новые этимологии. Поскольку большая часть слов не подчиняется строгим правилам, такой метод рано или поздно заводит в тупик. Даже историческая фонетика не выяснена до конца и неоднозначно. Противоречивость точек зрения говорит о том, что различия в современных языках интерпретировать исторически можно по-разному. Как найти среди этих интерпретаций ту, что отвечает исторической реальности? Каким должен быть достоверный материал для сопоставления? В какой мере применимы в этимологии принципы общей лексикологии? Каково значение отдельных критериев? Эти и многие другие вопросы встают перед исследователем, который пытается теоретически осмыслить компоненты этимологического исследования. На некоторые вопросы автор пытается сама найти ответ с помощью примеров из финно-угорских языков.

Во второй главе анализируется функционирование четырех основных критериев этимологизации — «языкового дерева», звукосоответствия, семантики и распространения — в теории и практике этимологического исследования уральских языков. Изложен материал интересно и обстоятельно, ход размышлений мотивированный и настолько многоплановый, что данный обзор может затронуть лишь некоторые положения и оценки.

Гипотеза «языкового дерева» — т. е. предположение о ступенчатом родстве языков и существовании когда-то опре-

деленных промежуточных языков — работает в связи с данными о распространении языковых элементов в качестве основного критерия при определении возраста генуинных слов. Автор напоминает обстоятельства появления этой гипотезы и анализирует предположения об историческом развитии, на которых базируется лингвистическое языковое дерево. Часть тех морфологических обоснований О. Доннера, которые сто лет назад казались убедительными, в наше время использовать невозможно, часть же оказалась ошибочной. Все углубляющееся знание рождает новые сомнения. Под вопросом позиция саамского языка, все меньше говорится о прибалтийско-финско-волжском праязыке, не ясна граница между пермскими и угорскими языками, а также существование угорского праязыка, мало удалось реконструировать различий между предполагаемыми финно-угорскими и уральским праязыками. П. Хайду уже несколько лет назад предложил (*Explanationes et tractationes Fenn-Ugricae in honorem Hans Fromm, München 1979* (Münchener Universitätsschriften. Philosophische Fakultät. Finnisch-Ugrische Bibliothek, Bd. 3)) проект рассмотрения взаимоотношений уральских языков на совершенно новой, типологической основе. Поддерживая его, К. Хяккинен рекомендует начать исследования с нуля и избегать всяческих исторических предположений, которые могли бы способствовать появлению ошибочных толкований. При этом целесообразно воспользоваться и помощью ЭВМ, что поможет проанализировать гораздо больший объем языкового материала для нахождения оптимального схематического изображения родства языков.

К. Хяккинен доказывает, что и данные о распространении лексики не подтверждают схему дерева и не указывают достоверно на возраст слов. Например, глотохронологический метод, опирающийся на основную лексику, может охарактеризовать лексическую консервативность языка, но это не распределяет уральские языки объективно по оси времени. Ведь распад языков представляет собой лишь один из тех многих факторов, которые на протяжении тысячелетий влияли на изменение словарного запаса. Хяккинен утверждает, что в уральских языках распространение лексики практически и не

уделялось много внимания. Считается обоснованным происхождение слова из финно-угорского праязыка, если подходящие соответствия встречаются по меньшей мере в двух — финском и венгерском языках. Однако большинство исконных слов при таком сопоставлении остается не раскрытым. В принципе полное отсутствие соответствий в родственных языках еще не доказывает, что слово не относится к древнему пласту лексики. Распространение финно-угорских слов финского языка в других языках позволяет вывести (и далее использовать в исследованиях) следующую закономерность: в дальних родственных языках еще не открытые соответствия нужно искать для тех слов финского языка, которые нашли распространение во всех прибалтийско-финских языках и по структуре и значению позволяют считать себя древними словами. (Конечно, среди них могут быть и заимствования; в случае такого подозрения оригинал следует искать в языках, откуда почерпнуты подобные же по распространению, значению и структуре заимствования.) Когда же финское слово не имеет соответствий в других прибалтийско-финских языках, нет надежды найти его и в более отдаленных языках. Если такое все же обнаружится, следует заподозрить заимствование.

Все случаи лексического развития, конечно, не подчиняются столь общим правилам. Более старые заимствования могли настолько приспособиться, что по звуковой структуре они и не отличаются от исконной лексики. И поначалу локальное заимствование могло со временем распространиться по всему ареалу языка и даже перейти в соседние языки. Наверно, полностью и невозможно различить слова общего происхождения и заимствованные позже из одного языка в другой в таких родственных языках, как финский — саамский, пермские — обско-угорские — самодийские, связь между которыми сохранилась и после распада финно-угорской языковой общности. Распространение само по себе ничего не доказывает, но может начать говорить вместе с другими критериями. При этом автор подчеркивает, что сопоставление больших совокупностей слов результативнее, чем отдельных слов. Сопоставляя большие совокупности, можно обнаружить характерные для опреде-

ленной группы структурные или семантические детали, которые использовать в свою очередь как критерии этимологизации. Например, автор отмечает, что в списке индоевропейских заимствований финского языка бросается в глаза значительное количество слов, начинающихся с *o-*. Анализ распространения позволяет заключить, что эти слова не обязательно уходят в финно-угорский праязык, они подчас ограничиваются распространенными к западу языками (с. 226).

Может быть и больше таких заимствований, чей возраст определен ошибочно. Хяккинен анализирует также соответствие слоев заимствований со схемой языкового дерева и находит, что слои заимствований можно связать лишь с относительно молодыми (например, прапермский, прафинский) праязыками. Для доказательства их существования, однако, имеются и более убедительные подтверждения. С более древними, например, прибалтийско-финско-пермский и прибалтийско-финско-волжский, праязыками невозможно связать какой-либо четко отграниченный слой заимствований. Как это объяснить? Ведь маловероятно, что в какой-то период финно-угорские племена жили в этнической пустоте, без контактов. Может быть, таких праязыков не существовало? Или возраст некоторых заимствований определен ошибочно? Во всяком случае представляется, что перечень слов индоевропейского происхождения в финском языке нуждается в пересмотре. Этот слой лексики не происходит целиком из финно-угорского праязыка, заимствование, очевидно, продолжалось и после распада праязыка (праязыков) (с. 227 и след.). Аналогичное продолжение заимствования можно предположить и в связи с более поздними слоями заимствований. Следовательно, хронология расщепления, опирающаяся на заимствованные слова, не обязательно всегда достоверна.

В прибалтийско-финских языках наибольший интерес представляют балтийские и германские заимствования. Новейшие исследования (особенно И. Койвулехто) могут внести существенные изменения в общепринятые точки зрения по истории как языковой семьи в целом, так и прибалтийско-финской группы. К. Хяккинен сопоставляет в количественном плане и графически выступление слоев заим-

ствований в прибалтийско-финских языках, распространение общей лексики прибалтийско-финских языков и распространение слоев финского языка, уходящих своими корнями в финно-угорский праязык, в прибалтийско-финских языках. Тем самым автор демонстрирует возможности использования данных о распространении, делает несколько интересных предложений и выводов. Например, доля германских и балтийских заимствований в различных совокупностях слов позволяет заключить, что древнейший слой прибалтийско-финской лексики можно установить относительно достоверно, если учитывать только полные этимологии (т. е. слова, имеющие соответствия во всех прибалтийско-финских языках). Общая лексика финского и ливского языков тоже дает близкий результат, поскольку их лексический контакт между собой, очевидно, не существует. Тем самым метод в принципе таков же, как и при установлении древнейшего словарного запаса всей языковой семьи. Например, в общей лексике финского и хантыйского языков, кроме изначально общих слов, может быть лишь незначительное количество случайных совпадений (поскольку звуковые соответствия однозначно не выяснены) и заимствований из одного и того же языка (например, русского) обособленно.

Звуковому критерию К. Хяккинен отдала столько же места, сколько и вопросу о распространении. Речь ведется о типах звукоизменений, о роли исторической фонетики и фонологии при этимологизации, о трудностях восстановления исторического фонотакса и значении последнего, о гипотетичности реконструкций. На практике звуковой критерий склонен доминировать среди других критериев, но это может легко привести к ошибочным выводам. Языковой материал показывает, что именно общеупотребительные, наиболее устойчивые слова (например, числительные и местоимения) часто фонетически изменяются весьма не закономерно. Таким образом, не все полные этимологии подходят для того, чтобы делать фонетические выводы. И еще осторожнее следует вести себя, просматривая серии с пробелами. К. Хяккинен на примере т. н. надежных этимологий демонстрирует, что чем больше пробелов в сопоставительном материале (т. е. соответствий слову встречается

в немногих языках), тем больше возможностей для разноречивого толкования звукового развития. Исходя из финского языка, автор приводит соответствия начальному *k-*, межвокальному *-v-*, *a* первого слога и *й* первого слога в родственных языках. Только соответствия *k-* оказываются более или менее закономерными, остальные серии не поддаются четкой группировке, а потому допускают различные интерпретации. Автор предостерегает и от переоценки соответствий гласных звуков. Гласные уже по сути своей больше варьируют, чем согласные, и можно полагать, что ни один язык в отношении вокализма не является абсолютно консервативным. Вообще, нельзя забывать, что если, например, финский язык в каком-то аспекте консервативен, то в этом же плане должны были быть консервативными и те промежуточные праязыки, через которые прошел в своем развитии современный финский язык.

Итак, неполные этимологии не следует считать надежными настолько, чтобы делать на их основе фонетические выводы. Этимология и фонетика имеют разные цели, но могут поддерживать друг друга. При определении закономерностей и тенденций звукоизменений нерегулярные явления, т. н. спорадические изменения, создают излишнюю путаницу, а потому в интересах исторической фонетики их оставляют вне внимания. Для реконструкции же слов, тем самым в интересах этимологии, необходимо знать и эти «случайные» явления. Фактически они и не совсем случайны. Их могли вызвать не типичные в аспекте исторической фонетики факторы — ударение, структура слова и слога, интонация, психологические, диалектно-географические и другие обстоятельства, установить которые сегодня трудно. Тем самым историческая фонетика не дает всей необходимой для реконструкции информации. Это не означает, что она бесполезна при этимологизации, а лишь свидетельствует о необходимости усовершенствовать фонетические исследования. Резюмируя трудности реконструкции, Хяккинен подчеркивает, что имеющиеся реконструкции отражают скорее наши современные знания об истории звуков и нет оснований считать их настоящими словами реального языка. Фонетический критерий нельзя переоценивать.

Он несомненно других критериев только в том случае, если из многих возможных толкований нужно выбрать наиболее вероятное.

Четвертый обязательный при этимологизации критерий — это семантика. Разница в значениях вызывает сомнение в этимологии, но не может служить причиной отказа от нее. Семантические изменения восстановить еще труднее, чем изменения формы. Поэтому и не делается попыток восстановления очень кардинальных изменений, хотя в действительности они могли быть. Автор советует иметь в виду принципы общей лексикологии, согласно которым любой язык коммуникативно совершенен в любой период, а также выводы универсальной типологии о сравнительно стабильном механизме формирования и изменения лексики.

Отношения между системой понятий и отражающей ее лексикой автор пытается охарактеризовать через изначальную финно-угорскую систему числительных. Хотя большинство авторов считают исходной 6-ную и 7-ную систему, по мнению Хяккинен, более обоснованная десятичная система. Сохранившаяся в языках до настоящего времени общая лексика не исчерпывает, разумеется, всех выразительных возможностей древних языков. В связи с этим автор еще раз подчеркивает, что реконструированный лингвистом язык и язык, на котором люди говорили тысячелетия назад, — это две разные вещи.

Итак, обстоятельный анализ основных критериев этимологизации финно-угорских языков убеждает в том, что ни один из них самостоятельно не достаточен для окончательного решения вопроса о правильности сопоставления слов и их возрасте. Критерии следует применять гибко, поскольку изменение языка обуславливает множество одновременно действующих факторов. Многие принятые точки зрения нуждаются в проверке и, очевидно, даже в пересмотре. Вместо модели «языкового дерева» К. Хяккинен предлагает «языковый куст», который нейтрален в отношении хронологии и должен больше соответствовать современному уровню исследования уральских языков.

Хорошо организованный исходный материал для дальнейшего исследования предлагает автор в третьей главе книги в виде словаря. Он содержит лексику

финского языка финно-угорского происхождения вместе с данными о распространении, почерпнутую из трех словарей: SKES, FUV и MSzFE. В случае надежных этимологий приводятся соответствия из дальних родственных языков. Если в последнее время в этимологической литературе появились разные мнения об истории слов, автор кратко ссылается на них в конце словарной статьи. Представленный материал может быть использован в разнообразных целях. Благодаря целесообразно сжатому способу подачи легко заметить различающиеся оценки этимологий в разных источниках и пробелы в рядах соответствий. Это позволяет выделить из перечня ненадежные и имеющие разные толкования этимологии, которые не рекомендуется использовать для фонетических выводов.

В дальнейшем автор намерена составить подобные перечни и слов, например, общих для финского и пермских языков.

Для проработки данных о распространении использована ЭВМ. Абсолютное и процентное числа, которые характеризуют количество общих финно-угорских или уральских слов в языковых парах, приведены в приложении к книге. Данные трех источников (SKES, FUV, MSzFE) разделены между собой и надежные этимологии отделены от всех сопоставлений. Этот материал тоже может обслуживать исследователей разных языков, позволяя судить о лексической консервативности языков, взаимосвязях, а в некоторых аспектах характеризует он и использованные словари. Относительно большое количество ненадежных этимологий в отдельных языках свидетельствует о пробелах в исследовании этих языков. При интерпретации числовых данных следует, конечно, быть осторожным, поскольку они допускают и противоречивые выводы. Например, К. Хяккинен отмечает, что количество общей лексики не подтверждает первоначального распада языковой семьи на финно-угорскую и самодийскую ветви (с. 385). И напротив, Х. Рятсеп (КК 1983 10) подчеркивает, сопоставляя аналогичные цифры на основе эстонского языка, существенную разницу в общей лексике с самодийскими и с угорскими языками.

Удобным вспомогательным средством для исследователей является и список полных этимологий прибалтийско-финских

языков вместе со ссылками на предполагаемое происхождение (по SKES). 39,4% из них даны в SKES без объяснения происхождения, к тому же многие этимологии приведены под вопросом. За последние 10 лет в этимологической литературе по многим этимологиям высказаны новые предположения и толкования, на которые автор ссылается в комментариях к печатно (с. 390—393).

Множество вопросов, поставленных в книге, и высказанных автором сомнений убеждает в том, что сбор этимологического материала и публикация его необходимо интенсифицировать. К. Хякиннен считает перспективным создание этимологического банка данных, который нужно будет постоянно пополнять. В памяти ЭВМ этимологическая информация станет гораздо полнее, чем может включить любой отпечатанный словарь. ЭВМ может освободить человека от многих операций по поиску и систематизации, в результате чего высвободится время для творческой

работы. Идеально было бы создать аналогичные банки данных и для других родственных языков.

Исследование К. Хякиннен богато информацией и содержательно по мысли. Автор собрала в нем разбросанные в литературе идеи, противопоставив или связав их, дав им оценку или развил их дальше. Она дерзает сомневаться и умеет ставить вопросы, которые призывают осторожнее обращаться с известными фактами. Однако несмотря на это нет причин пессимистично относиться к будущему этимологических исследований. Все изложенное несет в себе явное стремление автора искать новые, более объективные пути осмысления языкового прошлого. Книга дает много пищи для размышлений. Эта благодарная работа родилась в нужное время, особенно если учесть те уральские языки, в которых этимологическое исследование на повестке дня или еще предстоит.

АНУ-РЕЭТ ХАУЗЕНБЕРГ (Таллин)

Cristina Wis, *La versione di Hannover delle De Finnicae Linguae indole Observationes di Martin Fogel*, Roma 1983 (AION, Dipartimento Studi dell'Europa Orientale, Sezione filologica-linguistica, n. 1). 64 S. + 23 fotografische Reproduktionen.

Die Neuentdeckung der Antike zu Beginn der Renaissance beflügelte den Forschungsdrang der Humanisten. Ihr Losungswort wurde der Ruf «Ad fontes! (Zu den Quellen!)». Die finnisch-ugrische Sprachforschung kann auch nicht annähernd auf so weit zurückreichende Anfänge blicken wie die Sprachwissenschaft in der Zeit des Humanismus. Trotzdem ist schon im 17. Jahrhundert auch bei dem «Neuling» der Sprachwissenschaft die Losung «Zu den Quellen!» zu bemerken.

Ein Beispiel dafür ist der Hamburger Polyhistor Martin Fogel (1634—1675). Seine handschriftlichen «Aufzeichnungen «De Finnicae Linguae indole Observationes (Beobachtungen über den Charakter der finnischen Sprache)» (Niedersächsische Landesbibliothek Hannover, Ms. IV 574a) sind angefüllt mit Randbemerkungen, Zusätzen und Nachträgen nicht bloß zu den Gegenständen, sondern auch zu den Quel-

len seiner Beobachtungen am Wortmaterial und an der Struktur der in Frage stehenden Sprachen. Auf diese Weise suchte er, mehr ahnend als wissend, eine Methode der Sprachvergleichung zu finden. Diese Versuche gipfelten bekanntlich in der Entdeckung der finnisch-ungarischen Sprachverwandtschaft. Dadurch sind seine Aufzeichnungen Erstdokumente auf einem Hauptgebiet der finnisch-ugrischen Sprachforschung geworden.

Das Manuskript blieb zwei Jahrhunderte lang verborgen liegen. Daß es in der Hannoverschen Bibliothek aufgefunden wurde, war wiederum eine Leistung des zu den Quellen vordringenden Forschergeistes. Die Entdeckung, Besprechung und Analyse des Manuskripts durch den Finnougristen E. N. Setälä 1892 (Lisiä suomalais-ugrilaisen kielentutkimuksen historiaan, SUOMI 3,5) war gleichzeitig ein grundlegender Beitrag zur Geschichte